

**Казачья свадебная обрядность
в «Автобиографии» Ф.И.Елисеева.**

По выражению доктора исторических наук С.В.Волкова, Федор Иванович Елисеев – это «...не только боевой офицер, но один из наиболее крупных военных историков и мемуаристов русского зарубежья.

Он оставил тысячи страниц произведений, посвященных истории полков Кубанского казачьего войска, начиная с предвоенного времени. Собственно, большую часть того, что было написано в эмиграции по истории кубанских частей, составляют именно труды Ф.И.Елисеева...

Свод воспоминаний Ф.И.Елисеева о полках Кубанского казачьего войска, в которых ему довелось служить, по объёму, степени подробности и насыщенности фактическим материалом практически не имеет себе равных, являясь ценнейшим источником по истории 1-й мировой и Гражданской войн. Он сохранил для истории имена многих сотен своих товарищей по оружию...». [1]

Но до сих пор неизвестной широкой публике остается рукопись «Автобиографии» Ф.И.Елисеева, которую он начал вести с 1921 года в эмиграции, в Финляндии, закончив ее уже в Индокитае в 1940 году.

Исписанная плотным почерком с «фитами» и «ятями», с пожелтевшими и обгорелыми страницами, широкая и толстая «амбарная книга» этой рукописи [2] была передана сыном Федора Ивановича Елисеева Георгием («Жоржем») старшему научному сотруднику КГИАМЗ им.Е.Д.Фелицына Наталье Александровне Корсаковой и привезена ею в Россию, в город Краснодар.

Используя два фрагмента текста «Автобиографии», мы рассмотрим элементы свадебной обрядности, бытовавшей у казачьего населения станицы Кавказской в начале XX века.

Одна из глав «Автобиографии» посвящена свадьбе старшей сестры Федора Елисеева, прошедшей 8 февраля 1902 года. [3]

«...Скоро Маня была уже взрослая девочка. Она окончила женское двухклассное училище. Ей было пятнадцать с половиной лет, когда ее стали сватать Жуковы за теперешнего ее мужа Даню.

По обычаю они, сваты, приехали без жениха. Жениха Маня совершенно не знала и ни разу не видела его в глаза.

Мы же, Андрюша (старший брат Ф.Елисеева) и я – его знали хорошо. В станичном училище он был в 5-м отделении, когда мы с Андрюшею только что поступили. Как хороший, скромный и очень положительный ученик, отлично учившийся – он, Данил Жуков, был строевым инструктором среди нас же.

Таковых назначал урядник-инструктор только из 5-го отделения, человек пять и, конечно – лучших. Они должны отлично командовать в строю, на гимнастике и знать «словесность», т.е. – всех титулованных особ, начиная с императора, всей императорской фамилии, Военного министра, Войскового Атамана, его помощников, нашего Атамана Кавказского отдела, командира полка на льготе и других меньших чинов, вплоть до инструктора.

Я хорошо знал «инструктора Данила Жукова», приходившего в наш класс всегда в серой черкеске, который скромно и вежливо нас учил, совершенно не повышая голоса и не ругая нас, как это делали другие инструкторы.

Он был всегда как бы, задумчив. В лице его было что-то «монгольское», но которое еще больше притягивало нас к нему, как к чему-то «вне нашего понимания и осязания».

Мы Мане объяснили «каков жених». О замужестве в семье и не думали. Хотя за нею сильно ухаживал Сергей Калугин, семья коих была хорошей, три брата-младенца, они жили рядом. «На улицу», т.е. «на гулянки с подругами» Маня не ходила, еще не понимала в них толк, да и бабушка бы этого не допустила бы.

И «Сергея» вздыхал только «стороною», всеми силами об этом давал знать всем. Мане он нравился «так себе», но как сосед, хорошей семьи, грамотный казак (он окончил только 4 отделения училища) и все.

Весь Рождественский пост сваты ездили к нам «с водкою, закускою и белым хлебом».

Ездили они много раз, мы даже к ним привыкли. Что и о чем они там говорили «в зале» - нас в это не только не посвящали, но, по обычаю, мы знали, что нам и интересоваться даже нельзя.

Маня на это время всегда уходила к подругам-соседям, словно боялась всего этого. Мы же мальчики – совершенно не отдавали себе в этом отчет, немного привыкли к сватам и встречали их с некоторой иронией, говоря: «опять приехали...».

Наша бабушка долго отсутствовала. Она задержалась в гостях в Екатеринодаре, у семьи Белых. Без нее, конечно, наши родители никогда бы не осмелились дать свое согласие. Но решили посмотреть жениха.

Его привезли «сваты» в один из вечеров. Он прибыл в хорошей черкеске, в галошах поверх бурочных ноговиц, что говорило как признак богатства и щегольства. Маня как глянула на жениха, так заплакала и убежала...

- Калмык...да он же калмык! - заголосила она.

Сваты говорили «в зале» а мы, по старому знакомству, говорили с женихом. Он нас угощал конфетами и пряниками и располагал в свою пользу.

Сваты Жуковы и жених, конечно, были очень выгодны нам «как родичи». Эта семья принадлежала к старожилам, выходцы из донских казаков, были очень богаты и хлебосольны. Они имели дивный фруктовый сад и пасеку пчел до 150 ульев.

Их дом «ломился от явств», от меда и разных «солений». Они жили в центре станицы и имели почти барский дом. В степи не работали, а богатели

садом и пчелами, занимаясь (точнее развлекаясь) охотой на птиц и рыбной ловлей в Кубани на лодках огромным бреднем.

Пойти «под Жуковых» в станице считали по почету, а в числе первых отдать Маню замуж за их сына было лестно нашим родителям.

Но Маня была еще только девочкой. Ей сравнялось пятнадцать с половиной лет. По религиозному закону ее еще нельзя было допустить к венцу. Надо было ждать «совершеннолетия» еще полгода. Сваты соглашались и на это, но просили согласия теперь же.

Отец послал телеграмму бабушки – «немедленно приехать». И я помню ее приезд: она неожиданно вечером вошла в дом и, не здороваясь ни с кем, озабоченно три раза перекрестилась на святые иконы в углу, активно спросила в пространство, окинув всех нас своим острым взглядом «сердобольной главы всей семьи»:

- Что? Все здоровы?

- Все слава Богу здоровы Маменька, - мягко и весело, но тихо ответил отец, поднимаясь с постели.

- Фу-у! Ну слава Богу, а я уж думаю случилось какое несчастье дома - снимая шубу и верхний мокрый платок, уже спокойно промолвила она. И сев на лавку спросила:

- Ну тогда говорите – что тут у Вас?

Отец спокойно, безо всякой натяжки и радости, в присутствии нас всех детей – рассказал все, закончив:

- Тебя ждали Маменька. Без тебя, сама знаешь, этот вопрос мы не решим.

- Да, Жуковы род хороший. Старожилы, богаты, но надо подумать...Манечка ведь еще несовершеннолетняя - спокойно, деловито решила наша дорогая и умная Бабушка.

Но...неизбежное случилось.

Как-то, возвращаясь верхом из станицы, я вижу – Маня идет по нашему тротуару и плачет навзрыд, словно ее жестоко побили. Мне она объявила,

что ее «просватали». Мне это было не совсем понятно. Мы как-то мало интересовались этим сватаньем. Но, факт свершился, и скоро наступили дни свадьбы. К нам наехали многочисленные родственники из ст.Казанской, было положенное веселье и затем сборы к венцу.

Данюша или как нам приказано его тогда называть – «братишка» сидел с нами в столовой и занимал нас.

В зале же шел невероятный плач всех родичей. Маня искренне, по-девичьи, плакала слезно, плакала расставаясь с родным домом.

Сам же «плач» начался с того, что у ворот невеста встречала своих подруг, которые окружали ее и пели песни (хотя в тесте «Автобиографии» было приведено название только одной из них - «Не река моя речушка. Ты река глубокая»).

В это время сама невеста «голосила» приговаривая:

- Родимый мой батенька, родимая мамушка! Зачем вы гоните меня с теплого гнездышка в чужую семью незнакомую?!!!

Многочисленная казанская родня, также захлебываясь, радостно плакала вовсю. В общем «зал» лил такие слезы, словно их ожидала смерть через несколько минут.

Я умышленно не шел туда. Мне казалось стыдным плакать – да я и не намеревался этого делать. Наконец нас вызвали «прощаться» с Маней. Зайдя в зал, я увидел одни лишь слезы на всех присутствующих. Маня обернулась к нам, по обычаю, стала перед нами на колени, упала на землю и еще больше залилась слезами и громко-громко заголосила.

У меня в глазах потемнело, что-то сдавило горло, дыхание стало тяжело и, не выдержав общего еще большего, вновь охватившего всех плача, я зарыдал во всю свою детскую мощь. Мне было тогда 10 лет.

Наплакавшись вволю, Маня встала и со слезами поцеловала нас всех – «прощаясь» с нами в нашем родном доме. За этим следовала «продажа косы».

Это означало, что она, в последний раз «носит девичью косу», которая как бы, остается в родительском доме, т.к. после венца «подружки» со стороны жениха расплетут ее девичью косу и волосы соберут уже «в корзину» замужней женщины.

Маня «в данном случае» прощалась со своею девичьею беззаботною жизнью и попадала в новую жизнь, к «злой свекрови»... Поэтому-то и был такой тяжелый плач.

Маня села за стол и мы, мальчики, ее братья сели по сторонам от нее, словно оберегая ее «от злого духа - похитителя».

«Дружок» жениха, его двоюродный брат Михаил Жуков, лихой и неутомимый танцор и песельник, впоследствии выдающийся урядник и джигит – ехидно приступил к нам, спрашивая нас:

– А сколько Вы, бояре, хотите взять за косу Вашей сестры?

Мы, мальчики, были очень скромны, в деньгах вкуса не понимали и не знали, что ему отвечать. Но тут, на помощь пришли родственники-«казанцы». «Плач» словно рукой сняло с них. Они уже все веселы. И со своих мест кричат:

– Деточки! Дешево не уступайте!...

Хитрый и огульный «дружок» окликнул весело (по обычаю) на наших родичей, что это не их дело и вновь спросил нас, предложив сам что-то. Мы, ободрялись родичами – требовали дороже. Больше Андрюша, чем я. Мы, Маня, Андрюша и я – были в эти минуты центром всего внимания.

Наступила тишина, что нас очень смутило. Все глядели на нас во все свои глаза, и больше всех была смущена невеста. Она толкнула нас незаметно и прошептала – «кончайте». И мы «закончили» торги за косу родной старшей и любимой сестры. Коса была продана за 44 рубля.

Деньги эти были выложены тут же на стол. Мы их взяли и немедленно же отдали родителям. Это была довольно большая тогда сумма. Рабочая хорошая лошадь тогда стоила 35-40 рублей.

Прощание невесты с родичами и всеми родственниками, перед коим нужно было люто голосить, всем кланяться в пол, всех целовать, целовать икону, держащую в руках, принимало тогда жуткий вид.

Все громко и очень слезно плакали, немного жутко и может быть ненужно, но оно словно очищало всех морально, размягчая душу для всепрощения и говорило об исключительной важности момента.

Езда к венцу, или, по станичному – «поезд» - был великолепен. Молодых везли, как редко бывало у казаков тогда на тачанке. Много мажар с родственниками и подругами. Голосистые веселые сваты на этих мажарах, лихие кони в упряжках, езда, обязательно «вскачь», по грязи – все это пылало как-то «азиатскою дикостью».

Маня была все время очень грустна и, видимо совсем не интересовалась женихом. Она его не знала и выдавалась «насильно». Для нее, как несовершеннолетней, пришлось просить родителей в Ставрополе «разрешения» епископа на брак. Они «добавили» ей в прошении 6 месяцев и лишь тогда церковь позволила вести к венцу.

Зять, Данюша, был очень скромн, понимая состояние своей 15-летней невесты, и старался ей не надоедать и быть с ней очень обходительным.

Как ни странно все это, но брак оказался очень счастливый, это видно было по лицу Мани и в следующие дни. Они жили очень дружно, имели много детей, Маня дома была «суть головою семьи», но умный, честный и благородный Данюша с доброю улыбкой смотрел на это и за свой характер был так полюблен в нашем доме на всю жизнь, что был словно свой родной сын.

Хотя впоследствии, в одном из своих писем брату Федору из советской России его сестра с горечью «выговаривала за то», что «дни были теплые погожие, целую неделю, гостей и родных с обеих сторон было сто человек...было выпито водки 15-ведерный бочонок, а купить золотые кольца жениху и невесте не хватило ума.

Даже кинжал пришлось брать у дяди Ивана Иванищева - брата Мамы моей. Были бедные, даже не в состоянии купить мне кинжала[4], а наливать водкой Мать умела свою сестру Марину Ломакину с мужем Александром...».

После венца, нас трех братьев, как важных родственников, поместили возле молодых, в чистой и нарядной зале новых сватов. Погода была очень грязная. Это был весенний мясоед 1902 года.

Бедность и тогда была у нас во всем и сквозила во все дыры. На нас были теплые, стеганные на вате, короткие серо-синие бешметы и мужицкие «бутурлиновские» сапоги. Костюм был беден, грубый и плюс весь в брызгах от грязи. Мы чувствовали себя не в своей тарелке.

Уже вечером, когда нас отпустили «от молодых», я свободнее почувствовал себя в чулане с новым сватом Андреем, братом Данюши, который со старшими ребятами играл на полу «в табу по копейке» и угощал нас, молодых сватов, сладким из собственного сада, вином.

Он был летами старше нас. В свадьбе, помню, было одно условие, что белый хлеб на свадьбе будет от жениха в нашем доме. У Жуковых тогда ели белый печеный хлеб и печеный в формах, наподобие пасхи, как редко было у кого из казачьих семейств в станице. После свадьбы у нас осталось несколько таких пирогов. Как лакомство, нам давала бабушка его в школу.

Сват Андрей был с Андрюшей в 4-м отделении. Как-то зайдя в наше 3-е отделение и увидев, что я ем хлеб, он весело подошел и, как всегда, ласково, попросил дать и ему кусок хлеба.

Мне было так стыдно, что я ем их хлеб, и я так боялся, что он узнает про нашу бедность, что у нас есть только черный хлеб в доме, что я спрятал свой кусок за спину, и как он не просил я ему все же отказал. С тех пор остатки белого хлеба, эти наши лакомства, я ел очень осторожно и скрытно».[5]

В 1909 году, когда Федору было 17 лет, его отец «решил женить» старшего брата Андрея.

«...За него засватали дочь атамана хутора Лосева Нюру Жаркову. Свадьбу отгрохали «на ять». Я был «главный шафер» и с молодежью, верхами до хутора, 12 верст, сопровождал «свадебный кортеж».

Потом женили моего двоюродного дядю - Егора Лаптева на девице из хутора Романовского. У него я был также «старшим шафером». И также верхами, «с папахами», мы гарцевали по ненавистным нам улицам хутора Романовского. [6]

Затем женили Ивана Тарасенко, друга Андрюши на «тавричанке» Вивчаренко (Овчаренко). Эта свадьба была «полублагородная». На ней впервые «я спал» с девушкой, с Марусей Евтушенко, которая мне очень нравилась.

Затем женили Ивана Поповичева. Он брал девицу «с другого края» станицы. У них я тоже был «старший шафер» и мне пришлось играть роль посредника между ним и здешними парубками, которые нас подкарауливали «побить» за то, что он берет девушку с их края.

Этот «край» был «Молоканщина». [7] Я сам родился «на этом краю», всех их знал, дружил и был уже «вученый» (т.е. с образованием) - то они вели себя на всех посиделках «вежливо» и все дело ограничилось, кажется, «бутылкой водки».

- Из-за тебе, Хведя эта.. - ответили они мне».

Такое произношение имени Федя, Федор часто встречается в тексте «Автобиографии».

В станице Кавказской «...наши старoverы и старожилы говорили старинным русским языком, где буква «Я», шипящие буквы и мягкий знак – доминировали». [8] На ее улицах часто слышались слова типа «пуцай», «гаварять», «хачу», «тибе», «принясу», «вазить» и т.д.

«...Здесь «я спал» с мужичкой, как все, на общем полу, на полости и мы ели конфеты от жениха. А жених с невестой спал тут же, но на кровати.

Семья Ивана Поповичева играла в станице «главную роль». Жених Ванька говорил, что хочет сделать свадьбу «по-старинке» - надо набрать

побольше «верховых парубков», и чтобы он ехал за невестой верхом, и сопровождал ее до церкви также верхом. И только после церкви сел бы с нею в тачанку – «как уже законный муж».

Иван был года на два старше меня. Поповичевы были рыжими, но симпатичными на лицо. У Ивана на одном глазу было «бельмо». Он был хороший хозяин, рассудительный казак и добрый парень.

Женился он на очень красивой, крупной приятной девушке, которую выдавали за него почти силком, т.к. Поповичевы были хорошие хозяева с достатком, а Катеняткины были бедные казаки. Невеста, подчиняясь родителям, покорно со слезами шла к своей судьбе.

Иван это хорошо знал. Чтобы не умалить свой авторитет, он чувствовал, что хоть пышною свадьбой, но надо показать своей невесте «свой род». Он меня очень любил и верил, почему и сказал мне:

- Хветь, я тебе верю - потому ты сделай так, чтобы было как следует.

Мы оба были одеты в одинаковые черные суконные черкески и были на вороных конях. Были, конечно, и в тесьмах, и в подтесемках.

Сама свадьба была чистенькая. Кортёж я сделал величественным. Верховой молодежи собралось человек 25. Своею скачкою мы буквально всполошили станицу. Мы даже пели песни в конном строю и я почувствовал как это тяжело. Оказалось, все дело было в привычке, то есть петъ в седле, на ходу лошади.

После «венца» Иван сел с невестою. Его коня вели в поводу за тачанкой вслед. И как только тронулись – невеста так слезно заплакала, так заголосила, что было прямо таки неудобно.

На свадьбе со стороны невесты была уже упомянутая «мужичка» - чистенькая, пухленькая и красивенькая барышня, дочь богатого мясника Карелина. Она где-то училась. Я с ней не был знаком, но она мне очень нравилась.

Когда мы гостили у невесты и по обычаю должны были там спать с женихом и с его подругами, то «свашка» постлала нам всем общую постель

и, обращаясь ко мне, она сказала командую:

- А Вы, Хведя, ляжете спать с Н. Карелиной вот тут... - и указала место.

И я с нею «спал».

Конечно, теперь времена изменились. Но тогда, «спать» с девушкой у невесты, когда «спал» и жених с невестой на одной кровати - не означало «всё». Не позволялось «большее», хотя и очень хотелось. Но этого сделать было нельзя.

Матери, отпуская своих дочерей на свадьбу, они знали «где они и с кем будут спать» иногда ставили ультиматумы - чтобы «такого-то не было»!

Молодежь на этом «мероприятии» спала вповалку вместе. Три-четыре-пять пар, не больше, сняв только бешмет, не больше, а девушки - верхнюю юбку. Тогда панталоны (т.е. нижнее белье) девушки не носили, и «общение» принимало совершенно откровенную форму, но, не заходя «границы».

Надо только удивляться, как это «переносили» девушки и «не грешили». Лично я «спал честно» и не «ввел ни одну девушку в грех»

Таков был неписанный закон у казаков нашей старой станицы – простой, честный, чистый, как и сама вся жизнь, труд и военная служба казачья». [8]

Примечания.

1. Стрелянов П. (Кулабухов) Офицер, джигит, писатель. // Режим доступа: <http://www.gipanis.ru/?level=989&type=page>

2. Автор данной статьи занимался сканированием, распознаванием, перепечаткой текста и редактурой «Автобиографии». Пользуясь случаем, выражаю свою сердечную благодарность Наталье Александровне Корсаковой за возможность публикации части «Автобиографии».

3. Елисеев Ф.И. Автобиография. Финляндия-Индокитай. 1921-1940 гг.

4. То есть кинжал для самой невесты, который она вручала жениху.

5. Елисеев Ф.И. Автобиография. Финляндия-Индокитай. 1921-1940 гг.

6. Согласно тексту «Автобиографии», хутор Романовский (будущий город Кропоткин) для казаков станицы Кавказской был «мужицко-хулиганским», «развратным местом».

7. Один из районов станицы, населенный сектантами-молоканами.
8. Елисеев Ф.И. Первые шаги молодого хорунжего. Под ред. П.Н. Стрелянова (Кулабухова). - М.,2005. - С.60.
9. Елисеев Ф.И. Автобиография. Финляндия-Индокитай. 1921-1940 гг.